

В жизни полукровок самое главное – выбрать с кем ты. С папой, или с мамой. Ну, какой ты национальности. Нет, конечно, можно (в теории), быть в равной степени представителем того и другого народа, но практика показывает, что не во всех случаях это работает. Есть такие тяжелые случаи, что надо все-таки выбрать, и идти уверенно одной лишь колеей.

Вот, например, ты помесь русской и чеченца. Обычаи и нравы этих народов настолько разные, что быть тем и тем одновременно просто-таки не полезно для психического здоровья. Чеченцы требуют строгого соблюдения своих традиций, и если ты уклоняешься, значит, не чеченец. Русские, если ты вдруг начнешь проявлять чеченские замашки, тоже удивятся. Нет, они не станут к тебе плохо относиться – народ имперский, терпеливый, но в твоём присутствии, как бы ты ни бил себя в грудь, что в паспорте написано “русский”, время от времени будут говорить: “Знаешь, а чеченцы – хороший народ. Вот у нас парень в армии был...” Однако, если ты выберешь одну сторону, и будешь следовать строго по ее пути, то все, никаких проблем у тебя не будет. Чеченцы не будут обращать внимания на твою русскую кровь и признают за своего, русские забудут про кавказскую кровь, и тоже будут считать своим.

Другое дело, если в тебе намешаны еврейская кровь и какая-то иная. Пусть будет русская, для примера. Тут тебя не примет до конца ни одна сторона. Для евреев, если мама не еврейка, ты не совсем еврей. Для русских ты тело тоже несколько инородное. Не для всех, но все же. Нет, никто не будет тебя обижать, а некоторые будут и любить, но в определенные моменты, моменты истины, так сказать, на тебя будут обращать пристальные взоры. И в итоге ты ощутишь, что ты до конца никому не свой.

Так грустно думал Тони о своей судьбе. Судьбе человека с ярко выраженной еврейской внешностью – от папы, и золотым крестиком на шее под рубашкой – от мамы. Той самой мамы, которая, по совету своей сестры, кандидата исторических наук, назвала его Антонию или, в просторечии, Антоном. В Тони он переделался, когда эмигрировал в Канаду.

Антон вырос с русскими мамой и тетей. Они его воспитывали вдвоем, отец где-то растворился сразу после его рождения. Соответственно, мальчик рос русским. Несмотря на советское время, его окрестили, и учили обычным христианским добродетелям, которые удивительным образом (это он уже во взрослом возрасте заметил), совпадают с коммунистическими добродетелями: не ищи легких путей, будь честным и

принципиальным, не лукавым, защитой слабых, не лебези перед сильными, деньги – не главное... Мальчик рос шустрым, любознательным, любил играть с мальчишками во дворе. Однажды в разговоре сказал: “Мы, русские” (в войну играли), и один из друзей поправил: “Ты не совсем русский, у тебя папа еврей”. Без зла сказал, констатировал факт. Антон уверен, что дружок и не знал, кто такие евреи, а просто слышал от взрослых, что у его мамы, Людмилы, был парень-еврей. Во дворе все знали, кто с кем встречался.

Антон стал искать информацию о евреях. Интернета тогда не было, но он нашел ее в библиотеке. И с тех пор читал и читал о них. Пока не превратился в законченного, домашнего “сиониста” (так он сам себя называл). А почему? А потому, что, во-первых, ему, русскому мальчишке (а он ощущал себя именно таковым, других перед его глазами не пробегало), было интересно, что он такой вот особенный, не как все – еврей, представитель Ближнего Востока – жаркого, экзотического. Во-вторых, он начитался о том, какие евреи талантливые, и что вообще народ избранный, и... ну, приятно же было в это поверить! Кому не приятно знать, что он из ряда вон уже по самому факту своего рождения? А еще писали, что народ гонимый, и нуждается в постоянной защите.

Тринадцатилетний Тоша (так его звали дома) понял, что он – тот самый Давид, который призван сражаться с Голиафом. И вот тут начались первые проблемы. Мама с тетей не разделяли его убеждений. Тетя говорила обидное: “Сколько волка ни корми...”, и вздыхала. Дед ругался, не выбирая выражений. Мама тогда вступилась, ругалась, плакала. В общем, скандал был до потолка.

Мама вступилась, но потом говорила, что Тоша неблагодарный, что она его растит одна, без алиментов, а его отец где-то шляется по свету, Родину не любит, в общем – сволочь. И чем ей сын отплатил? Нет, говорила мама, в том, чтобы быть евреем, нет ничего плохого. Но это если у тебя мама и папа евреи. А если у тебя мама русская, тетя русская, дед русский, и все они тебя растят и на золотом блюде носят, а ты вдруг выбираешь вторую половину, которая “перекати поле” и неизвестно где обретается, о тебе не заботится, то это свинство.

Антон обнимал маму и чувствовал вину. Но желание быть особенным, так свойственное подростковому возрасту, все же возобладало. К этому располагала и внешность – ну не видел в ней паренек славянских черт. И дожив до девятнадцати лет (в армию не был взят из-за очень плохого зрения), он окончательно сформировался как еврей. Так он считал. И тут объявился папа. Из Израиля. Он позвонил и сказал, что может сделать мальчику документы для переезда в эту страну. Мама ходила в ОВИР, просила сына не выпускать. В квартире пахло валерьянкой и разбитыми надеждами, дед перестал с внуком разговаривать. Но Тоша уехал.

И с тех пор ни разу не виделся с мамой. Чего не может простить себе до сих пор. Все умерли без него, через семнадцать лет после его отъезда. Один за другим. Но пока были живы, любили его, не обижались, с любой оказией присылали весточку и подарки. Антон же в Израиле приехал к отцу, в его новую семью, но быстро понял, что он там не нужен. Отец был ласков, но его жена и дочери тяготились гостем. Перебрался в кибуц. Там кормили, обучали ивриту... Потом попал в армию. И не просто в армию, а на войну. Участвовал. Несмотря на плохое зрение. И не сказать, чтобы чувствовал, что его за своего не принимают. Нет, внешность помогла, он не ощущал дискриминации. Там он еще больше укрепился в своем еврейском патриотизме. Который горел ярким пламенем до тех пор, пока он не захотел эмигрировать в Канаду. Израиль душил его своей жарой и маленькими размерами. У парня, выросшего в Питере, было чувство, что он перебрался в Ташкент. К тому же, там постоянно происходили теракты, и женившись (на такой же полукровке), он решил, что лучше все-таки перебраться в более спокойное место – США или Канаду. Там можно не бояться за

детей, а своей воинский долг Тоша исторической родине отдал, так что не о чем беспокоиться.

Он обратился в еврейскую организацию, и честно сказал, что он христианин и у него русская мать. Ему объяснили, что он в таком случае не еврей. Повисла пауза. Тоша осмыслял. Потом сказал: “Я воевал”. Ему ответили, что “это достойно похвалы” и посоветовали обратиться к христианам, дали телефон. И он обозлился. Вдруг понял, что он – “русская морда”. И просто вмиг оценил все: и что в СССР к нему относились хорошо и никогда он не ощущал притеснений, хотя многие пишут, что притеснения были. (Но он вот не ощущал на себе, хоть убейте!). И что Россия – страна великая. Да, люди, как везде, есть хорошие и плохие, но страна – великая, и не о чем тут спорить! Огромная страна с великими достижениями и восхитительной культурой. И мать у него – русская красавица, и тетка – духовно развитый человек, кандидат исторических наук, а дед – воевал под Сталинградом.

Тоша вдруг понял, что быть рядовым, обычным русским – таким, как другие сто пятьдесят миллионов, вовсе даже неплохо. И стали выплывать в мозгу мамыны да дедовы поучения из детства: “Выделяться надо своим трудом, смелостью, добротой, честностью... А кровь – что? Всяк кулик свое болото хвалит”.

Он обратился в католическую организацию, католики помогли, переселили в Канаду. И стал после этого Антон русским. Все, конечно, его принимали за еврея – очень уж колоритной была внешность, но Тоша окрестил своих двоих детей, а когда они подросли, даже стал возить их в церковь, где они пели в хоре. В храме заприметили его, и стали приглашать “откушать”. Тоша с детьми трапезничал после службы и вскоре счел своим долгом отплатить храму за бесплатное питание – стал жертвовать деньги. Опять же, стоять в храме и слушать, как поют твои дети и не поставить свечку – как-то странно. Антон, который до того религией не увлекался, хоть и был в детстве крещен, стал ставить свечки. За маму, тетю и деда. Он ведь у них один. Кто за них поставит? Стал плакать...

Он стоял, чернявый, с орлиным носом, черными глазами, и плакал. И в душе просил прощения за то, что покинул их. Нет, он не жалеет, что живет в Канаде, эта страна ему очень нравится, и не жалеет, что воевал за Израиль, но ему жаль, что нельзя было взять с собой семью. И что не смог к ним ни разу приехать. Советского паспорта его лишили еще при выезде, и в то время нельзя было эмигрантам свободно туда-сюда ездить. А когда разрешили, было уже поздно. На него с любопытством поглядывали, и тут же опускали глаза. Тоше сначала было неловко, а потом он заметил, что он не один еврей тут, и на других не смотрят, значит, на него глазели просто как на новичка. Познакомился с Исааком Львовичем, который был совершенно яростным христианином. Называл себя именем собора в Питере – “Исаакий!” Он стал Тоше книжки разные давать... И вот на Пасху, на крестный ход, Исаакий с Антонием стали главными хоругвеносцами. Они шли впереди всех и несли святые лики. И были горды тем, что им доверили.

Потом Тоша стал ссориться со своими любимыми русскими друзьями. Они любили его и доверяли ему настолько, что при нем рассуждали о евреях-большевиках (нелестно), о евреях-олигархах (тоже нелестно), а также возлагали на тех и других вину за “гибель России”. В революцию и в перестройку. Тоша крепился. Иногда он и сам был согласен, когда читал в какой-нибудь эмигрантской газетке антироссийские статьи, написанные людьми с еврейскими фамилиями. Тоша тогда звонил в газету и кричал: “Вы антисемиты! Вот такие как вы и заставляют русских не любить еврейский народ! Что вы привязались к этой России? Пишите про Канаду! Вы здесь живете или где?”. Антон рассказывал друзьям о том, как он заткнул за пояс русофобов, и его хвалили, обнимали, и пели с ним песни.

Ой, то не вечер, то не вечер, мне малым-мало спалось...

Когда доходили до слов “налетели ветры злые, да с восточной стороны, и сорвали черну шапку с моей буйной головы”, Тоша начинал сильно волноваться. Думал: едрит твою! Ведь какие слова простые, а как за душу берет! Прямо будто кто взял тебя рукой за сердце, и крутит, крутит. В такие минуты он ощущал себя внуком героя Сталинграда и сыном русской красавицы. Тоже пел. “Едрит твою” – любимое выражение деда.

Но иногда он начинал беситься. Когда, например, говорили, что хорошо бы казнить на Лобном месте Гусинского, Ходорковского, Смоленского, Чубайса, Коха и Авена.

– А Потанина? А Доронина? – вскидывался Антон. – А Ельцина? Он, конечно, умер, но гипотетически?

Все соглашались, что их в первую очередь. Но, говоря о “проклятой перестройке”, цитировали Бунина. Говорили, будто бы он написал, что “революцию совершили евреи и примкнувшие к ним русские дураки”. Так вот, мечтали друзья, русских олигархов казнить на Лобном в первую очередь. И даже сперва на кол, а потом казнить. Но это Тошу не успокаивало. Он думал: а почему они сначала сказали только о не русских? Он напивался от обиды и начинал привязываться ко всем последующим речам, кои, при трезвом слушании, были вполне безобидны.

– Вы за Асада? А вы хоть одного араба в своей жизни видели?

Все молчали и переглядывались. Тоша по-своему понимал этот взгляд.

– Да, я еврей! – орал он. – И что?

– А ничего, написал ты, братец, – ласково говорили ему. – Такое чувство, что ты не еврей, а эскимос, и у тебе нет ферментов для расщепления этилового спирта.

– У меня дети в церкви поют! А у вас – поют? – вскрикивал снова Антон. – Я хоругви ношу, а вы... вы... да вы в церковь никто не ходите!

Мужчины заверяли, что против евреев ничего не имеют, а имеют против олигархов, продажных журналистов, Россию хаящих, против Сороса, Бжезинского, Ротшильда и Рокфеллера. А против него, Тоши, стопроцентно ничего.

– И я на парад Бессмертного полка хожу, мой дед под Сталинградом, – заплетающимся языком приводил Тоша последний аргумент и переходил со стула на кресло, чтобы удобнее было вздремнуть.

Там он успокаивался, и думал, что как же хорошо, что в Канаде столько всех – русских, евреев, украинцев, казахов, кавказцев. Ты буд-то в маленьком Советском Союзе. Том самом, из которого когда-то бежал, оставив самое дорогое. А сейчас, к старости, почему-то хочется там быть. И отмечать День Победы, 8 марта, и даже День пионерии. А что, она его учила только хорошему: защищать младших, помогать старшим.

Тоша видит перед собой стол, на котором остатки холодца, оливье, салата “Мимоза”, селедка с кольцами лука... Все, как у мамы. В его памяти она осталась молодой – в голубом кримпленовом платье, с высокой прической. Сколько бы ей сейчас было? Он мысленно подсчитывает... Ах, как поздно открыли границы! Сколько всего интересного он показал бы ей, какими вкусами накормил, на Ниагару бы свозил. И еще Тоша думает, что его жизнь была бы куда легче, если бы он родился просто русским, или просто евреем, а так – ни богу свечка, ни черту кочерга. А с другой стороны, тут же спорит он сам с собой, зато такой человек реже встречается! Он, Тоша, получается, особенный. Как пурпурный единорог. Смешение кровей делает детей талантливей. Вот у него дети – и поют, и танцуют, и рисуют хорошо. А что ему самому приходится воевать то за тех, то за других – за евреев с оружием в руках в Израиле, а за русских словесно – в Канаде, так и что? Его имя – Антоний – переводится как “вступающий в бой”.